

Искусство нуждается в специальном «опытном участке», лаборатории с небольшим выпуском «продукции», рассчитанной на удовлетворение и создание спроса завтрашнего дня. Организуя студии при Московском Художественном академическом театре (который, кстати, получился из кружка любителей искусства), К. С. Станиславский считал

ре роли. Конечно, были обиды...

А найти репертуар, который: а) был бы нам по силам, б) помогал сохранять свое лицо, в) был бы интересен режиссеру и актерам — не просто. Последующие наши работы тоже не связаны с медицинской — «Красный уголок», «Всегда ты будешь», «Триптих», «Шут с вами!» (к фестивалю),

— Студия — место, где высокие понятия «равенства», «братство» наполнены конкретным бытовым содержанием, — говорит Марк Розовский. — Помочь отремонтировать декорации, напечатать билеты или написать афишу, починить костюмы, установить стулья для зрителей — это должны делать все. И здесь не место амбициям. А если они являются, человек рано или поздно почувствует себя в студии чужим. И уйдет. В студии нет, конечно, уравниловки. Значимость определяется талантом, твоим умением. Не только администраторы и осветители хотят играть, но и актеры, например, не возражают быть осветителями. Несколько раз пытались вводить разделение труда. Не вышло. Студийцам интересно все, что происходит в студии.

— В чем проявляется студийная демократия?

— Хотя бы в организации приема. Вспоминаю осень 1984 года. Третий прием. (За это время мы кое-чего достигли. О театре стали говорить всерьез). Перед конкурсным прослушиванием позвонили нескольким известным театральным деятелям и сказали прямо следующее: «Марк, у тебя такая хорошая студия... Слушай, к тебе скоро будет поступать одна девочка (один мальчик). Мне кажется, она (он) очень талантлива. Обрати, пожалуйста, на нее (него) особое внимание». Я мялся, не отказывая напрямую: «Да, да, пусть придет, я посмотрю...». И говорил я так потому, что не смог бы объяснить этим людям — да они, наверное, и не поверили бы, — что принимаю не я, а студийцы.

Как происходит прием? На нем могут присутствовать все студийцы. Окончилось прослушивание поступающих. Я читаю список, «судьи» в своих блокнотах отмечают тех, кто произвел наиболее яркое впечатление. Затем из 50—60 человек открытым голосованием выбираем 10—12 лучших. Второй тур голосования оставляет из этого числа шесть-семь. Потом определяем одного-двух поступивших.

— В ваших ближайших планах шесть новых спектаклей. Реально ли это?

— Кажется, да. Но силы наши скромны. Я не имею сейчас в виду творческий потенциал коллектива. Хотелось бы сказать о другом. Мы — народный театр. Именно поэтому мы просто не можем без поддержки. Безусловно, профсоюз медиков, правление ЦДМ сделали и делают для нас много. Но можно и нужно больше: театр растет, ставит перед собой более сложные творческие задачи, для решения которых нужны иные, чем теперь, материальные условия.

На одном из собраний я говорил ребятам: «Мы — народный театр. Цель театра — показывать людям спектакли». Все просто. У нас появилось несколько своих спектаклей. Есть свои зрители. Главная цель достигнута. О нас даже пишут. Например, сегодня в «Медицинской газете».

В свое время студенческий театр МГУ «Наш дом», зачинателем которого довелось мне быть, дал такие имена, как Петрушевская, Славкин, Арканов, Горин, Хайт... Надеюсь, и наша студия «У Никитских ворот» оставит свой след в театральном искусстве.

Беседовал
Владимир ПЫЛЕВ.

Гость редакции

«ТЕАТР СПАСУТ ДИЛЕТАНТЫ»

соглашается с Всеволодом Мейерхольдом московский драматург и режиссер Марк Розовский, художественный руководитель народного театра-

студии «У Никитских ворот» при Центральном Доме культуры медицинских работников. Сегодня он гость редакции.

одной из важнейших миссий их эксперимент. Как показывает опыт, экспериментировать легче и продуктивнее небольшим, мобильным студиям. Кроме «малых сцен», студий и т. п., при профессиональных театрах, в Москве, например, существует около трехсот самодеятельных театральных коллективов. В их числе народный театр-студия «У Никитских ворот».

Руководит студией известный режиссер Марк Розовский, автор многих пьес и спектаклей, идущих с успехом на сценах нашей страны и за рубежом. Беседу с ним предлагаем вниманию читателей.

— Как начинался народный театр-студия?

— Наш первый спектакль «Доктор Чехов» — театральные фантазии по «пестрым рассказам» писателя. Этой премьерой 27 марта 1983 года мы отметили момент, когда наш театр «заговорил» и «пошел». А за несколько месяцев до этого я повесил у Центрального Дома медицинских работников Москвы объявление: «Приглашаю всех желающих играть в любительском театре». Явилось (к моему изумлению) 200 человек. Пришлось нам с помощником, режиссером Юрием Веселовым, отобрать из желающих пятьдесят. Все пришли, как говорится, с улицы, и профессии у людей самые разные. Но поскольку Дом — медицинских работников, пришли и врачи, и медицинские сестры, и студенты-медики. Мотивы? Возможность общения с единомышленниками, решение проблемы досуга, любовь к театру.

— Почему вы решили вернуться к любителям?

— Хотелось иметь собственное театральное «дело», а студия — исполнение этого желания. Главное, что привлекает меня здесь, — возможность искать свое, новое. Студия — враг конформизма.

Работаю с любителями и — время от времени — с профессионалами. Недавно получилось так: в один вечер шел спектакль во МХАТе, на котором мне нужно было присутствовать, и спектакль в студии. Как быть? И вдруг я увидел, что уже шагаю в сторону студии...

— Профессии студийцев влияют на репертуар?

— Начали мы, как я говорил, с «Доктора Чехова». Спектакль создавался так. Я сказал студийцам: «У меня нет никакого сценария. Каждый может по собственному вкусу выбрать себе один из рассказов Чехова, найти партнеров, репетировать «на живую нитку» и показать, что получится...»

Через месяц охнули от обилия предложений. И проявилась индивидуальность каждого новичка. Оставалось всего лишь дополнить спектакль собственными идеями.

Но дальше стало сложнее. Второй спектакль — самое трудное в жизни молодого театра. Людей в студии много, а в качестве второй работы была выбрана «Бедная Лиза» (по повести, написанной в XVIII веке Николаем Карамзиным). В пьесе всего четы-

ре роли. Конечно, были обиды...

— Расскажите немного о студийцах-медиках.

— С удовольствием, но прежде хочу заметить: я противник узких «цеховых» клубов и коллективов. Мы отдаем предпочтение таланту, а не чему-то иному.

В коллективе у нас есть и студенты-медики, и медицинские сестры, и врачи. Особо хочется сказать о кандидате медицинских наук Владимире Пискунове. После спектаклей зрители подходили ко мне и удивлялись: «Как? Владимир Иванович работает у вас? А мы у него лечились... Приятно было узнать, что он еще и актер хороший!»

А актер он действительно хороший. Я помню его игру в спектакле С. Юткевича и М. Захарова «Карьера Артуро Уи» в студенческом театре МГУ «Наш дом». А было это лет 20 назад... Работу по специальности — он психиатр — Владимир Пискунов сочетает не только с игрой в народном театре-студии «У Никитских ворот», но и с недавних пор — со съемками в кино: сейчас он занят на Свердловской киностудии.

Жду, когда окончится репетиция, чтобы побеседовать со студийцами. Вспоминаю слова Марка Розовского о своих коллегах: «Основу нашего коллектива составляют люди, которые без работы в студии не представляют себе жизни. Поэтому студийцы могут производить на многих своих сверстников впечатление каких-то «сумасшедших».

Вечерами после работы, учебы — почти каждый день — они приезжают сюда, к Никитским воротам. Репетируют и играют, репетируют и играют... Все свободное время они посвящают театру.

Владимир Пискунов (44 года, кандидат медицинских наук, в студии с 1982 года):

— Прихожу сюда для души.

— Я тоже, — говорит Марк Высоцкий (48 лет, хирург, в студии с 1982 года).

Валерий Бондаренко (18 лет, студент 2-го Московского медицинского института, в студии с 1984 года):

— Никогда не думал, что стану со временем актером или режиссером. Пришел сюда, чтобы жизнь была более полной...

— Для души... Что же студия дает ей?

— Не все передашь словами. Атмосфера студийности — вещь особая. Ее нет, как правило, в профессиональном театре, и о ней «тосковал» Всеволод Мейерхольд, когда говорил свое известное: «Театр спасут дилетанты». Но, позволю себе дополнить Мейерхольда: которые обладают профессионализмом. Студия помогает его приобрести, но главное — она дарит каждому радость творчества.